

УДК 94.631.1

doi 10.17072/2219-3111-2021-2-73-85

Ссылка для цитирования: Горбачев О. В. Теория крестьянского хозяйства А. В. Чайнова и личные подсобные хозяйства в советской деревне (вторая половина 1930-х – 1980-е годы) // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2(53). С. 73–85.

Link for citation: Gorbachev O. V. Alexander Chayanov's Theory of Peasant Farming and Personal Subsidiary Farms in the Soviet Village (mid-1930s – 1980s) // Perm University Herald. History (Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya). 2021. № 2(53). P. 73–85.

ТЕОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА А. В. ЧАЙНОВА И ЛИЧНЫЕ ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х – 1980-Е ГОДЫ)¹

О. В. Горбачев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620000, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51

og_06@mail.ru

og2662@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2911-3100

ResearcherID: M-9204-2015

Scopus Author ID: 56625875600

Анализируется возможность применения теории крестьянского хозяйства А. В. Чайнова к личным подсобным хозяйствам (ЛПХ) колхозников и рабочих совхозов. Несмотря на широкую востребованность этой теории для характеристики современных форм семейного сельского хозяйства, хозяйственные структуры, сложившиеся в аграрной сфере СССР после коллективизации, в таком контексте практически не рассматривались. Отмечается, что существенными факторами, влиявшими на функционирование ЛПХ, были урбанизация села, связанная с ней демографическая эволюция сельской семьи, а также политика жестких административных ограничений по отношению к индивидуальным хозяйствам. Несмотря на крайне неблагоприятные условия развития, подсобные хозяйства демонстрировали устойчивость во времени. Отмеченная А. В. Чайновым демографическая дифференциация, т.е. взаимосвязь между численностью семьи и размерами хозяйств, сохранилась в них лишь отчасти; она искажалась системой репрессивного налогообложения, активной внехозяйственной занятостью членов хозяйств и естественными процессами деформации семьи в условиях урбанизации. Характеризуются причины утраты личными хозяйствами функции основного источника существования сельской семьи. Делается вывод, что идеологические ограничения по отношению к подсобным хозяйствам приводили к искусственной архаизации производства внутри ЛПХ и делали невозможной их эволюцию по фермерскому пути, т.е. трудопотребительский баланс в бюджете сельской семьи, как и в традиционном крестьянском хозяйстве, достигался на крайне низком уровне. С другой стороны, именно распространение немеханизированного ручного труда в ЛПХ позволяет в значительной мере применять к ним положения чайновской теории крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: А. В. Чайнов, теория крестьянского хозяйства, трудопотребительский баланс, демографическая дифференциация, семейное хозяйство, СССР, личные подсобные хозяйства.

Введение

Одной из основных причин сохраняющегося интереса к наследию А. В. Чайнова является устойчивость семейного сельскохозяйственного производства в разных частях мира, вполне очевидная даже спустя десятилетия после создания экономистом теории организации крестьянского хозяйства. Находясь под мощным воздействием экономических, демографических, социальных и политических факторов, семейные хозяйства тем не менее продолжают балансировать между перспективами городского поглощения и фермерского предпринимательского преформатирования. Их поведение необъяснимо с точки зрения традиционных экономических

воззрений, наталкивающих на отсутствие у членов крестьянских хозяйств предпринимательских амбиций [Скотт, 1992; Круглый стол..., 2018, с. 85–89; *Плуг ван дер*, 2017].

После нескольких десятилетий забвения интерес к «крестьянской экономической теории» был актуализирован в 1960-е гг. с целью изучения экономики развивающихся стран (теории Х. Н. Барнума – Л. Сквайра, Г. Беккера, Дж. В. Мейлора, А. Лоу, С. Накаимы, А. Сена и др.) [Чаплыгина, 2006, с. 30; *Виноградова*, 2003, с. 4]. 1970–1980-е гг. были отмечены значительным числом зарубежных работ на тему теории крестьянского хозяйства. В них обычно делался акцент на несоответствии чаяновских идей теории капиталистического развития К. Маркса (см. напр., [Adams, 1986; Harrison, 1975; Lehmann, 1982; Millar, 1970]). В том или ином виде теория крестьянского хозяйства Чаянова фигурирует в большом количестве публикаций последнего времени (см. напр., [Jean Emigh, 2001; Padró et al., 2019; Saito, 2011; и др.]).

В России интерес к чаяновскому наследию пробудился, начиная со второй половины 1980-х гг., при этом гораздо большее внимание уделялось теории сельскохозяйственной кооперации, нежели взглядам Чаянова на крестьянское хозяйство [Виноградова, 2003, с. 5]. Исключение – работы представителей крестьяноведческого направления, институализированного усилиями А. А. Никонова, Т. Шанина и В. П. Данилова в 1990-е гг. (см. [Никонов, 1995; Рефлексивное крестьяноведение..., 2002; Современное крестьяноведение..., 2015; Шанин, 2019; и др.]). Расширение исследовательского поля состоялось за счет привлечения демографических, политических, социопсихологических и иных сюжетов, в которые, как оказалось, довольно легко вписалась теория Чаянова².

Некоторая романтизация чаяновских взглядов на крестьянское хозяйство, которая присутствовала в отечественной науке в 1990-е – начале 2000-х гг., в определенной степени объясняется преждевременной гибелью ученого, сформировавшей атмосферу недосказанности вокруг его наследия. Другим обстоятельством, заставляющим с симпатией относиться к работам Чаянова, является стремление современных авторов преодолеть советский экономоцентристский дискурс. Здесь многих из них подстерегала другая опасность – они попадали под обаяние «неопопулистской» традиции, заставлявшей сторонников организационно-производственного направления еще в начале XX в. преувеличивать жизненные силы крестьянства и его способность выживать в любых условиях (см. [Harrison, 1975, p. 390]).

Символическая граница, заданная политикой коллективизации, отчетливо делит историю семейного крестьянского хозяйства в России XX в. на «до» и «после». Характеристика сельских домохозяйств первой трети XX в. с позиций чаяновской теории давно стала общим местом. Большинство современных исследователей ассоциирует появление колхозов с раскрестьяниванием; кроме того, кооперация деревни «по-сталински» коренным образом отличалась от чаяновских представлений об этом процессе. Такая ситуация, казалось бы, менее всего располагает к применению чаяновских характеристик к формам семейного сельскохозяйственного производства, сложившимся в рамках колхозной и совхозной экономики. Однако, если чаяновская теория оказалась актуальной не только для понимания нэповской деревни, но и для современных реалий, то неизбежно возникает ощущение лакуны, недоисследованности советского сельского мира³.

Мы исходим из того, что описанное Чаяновым крестьянское хозяйство было не вполне уничтожено коллективизацией и продолжило существование в рамках колхозной экономики в новом, сильно редуцированном качестве, в виде личных подсобных хозяйств. Несмотря на строгие ограничения, ЛПХ оказались довольно устойчивыми и сохранялись до конца советского периода, постепенно трансформируясь в современные формы семейных домохозяйств.

В рамках настоящей статьи предполагается определить, насколько уместно применение к советским ЛПХ критериев чаяновской теории крестьянского хозяйства. Взгляд на личные хозяйства с точки зрения этой теории позволит более аргументированно обосновать причины устойчивости феномена ЛПХ в специфических условиях советского социально-экономического администрирования, а также определить его место в системе ценностей советского общества. Таким образом, расширяется проблемное поле крестьяноведческих исследований, прежде всего с точки зрения возможности применения положений концепции «моральной экономики» Дж. Скотта к структурным изменениям сельского социума в ходе советской модернизации [Скотт, 1992].

Достаточно широкие хронологические рамки работы определяются периодом существования ЛПХ (от момента появления в ходе коллективизации и до конца существования СССР), в границах которого их существенные характеристики, а также место в системе экономических и социальных отношений, менялись очень мало.

Теория демографической дифференциации

Основное содержание теории крестьянского семейного хозяйства изложено Чаяновым в работе, вышедшей в 1924 г. [Чаянов. Организация..., 1989]. В ней в качестве крестьянского хозяйства предлагается рассматривать такое трудовое семейное хозяйство, в котором семья в результате затраты годового труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом [Там же, с. 202].

«Неортодоксальность» исследователя и других деятелей организационно-производственного направления с точки зрения экономической науки 1920-х гг. состояла в акцентировании роли демографического фактора в развитии крестьянских хозяйств. Чаянов и его единомышленники считали, что демографические изменения в составе крестьянских семей являются определяющей чертой развития крестьянских хозяйств, решающим образом влияя на возможности удовлетворения их потребностей [Шанин, 2019, с. 176]. Устанавливая зависимость между размерами хозяйства и численностью крестьянской семьи, Чаянов утверждал, что первичной в этом соотношении является именно семья: от ее размера зависят масштабы производства. На этом основании вводилось понятие демографической дифференциации, определяющей дифференциацию производственную. Оппоненты ученого полагали, что, напротив, размеры производства определяют величину семьи [Виноградова, 2003, с. 13–16].

Значимость семьи для сельскохозяйственного производства Чаянов определяет на основе того соображения, что технически организующий элемент производственного процесса – это наличные трудоспособные члены семьи [Чаянов. Организация..., 1989, с. 214]. При этом ученый был склонен относить к членам семьи («потребительским единицам») всех, постоянно питающихся за одним столом. Тем не менее в основе семьи находится супружеская пара с восходящими (родителями) и нисходящими (потомками) линиями [Там же, с. 215].

Чаянов ввел понятие цикла развития семьи, высшей точкой которого он считал наибольшую производственную эффективность, определяя ее через соотношение едоков и работников (e/p). Наибольшую эффективность отражает значение коэффициента 1,0 (молодые супруги без детей). Самое высокое соотношение e/p наблюдается на 14-м году 26-летнего существования семьи (1,94). Большее количество едоков означает соответственный рост потребностей, который, в свою очередь, определяет объем хозяйственной деятельности [Там же, с. 220–221]. Чем больше в семье было работников, тем больше становился и размер хозяйства.

С Чаяновым были не согласны многие не только советские, но и эмигрантские авторы (см. [Фигуровская, 1989, с. 39–42; Шанин, 2019, с. 187; Harrison, 1975, p. 390]). В дальнейшем под влиянием критики ученый, помимо соотношения едоков и работников, признал и другие критерии, влияющие на размер бюджета крестьянских хозяйств. Среди них он отмечал возможность использования наличных рабочих рук, затраченное рабочее время, интенсивность труда («степень самоэксплуатации»), наличие технических средств производства, природные условия и рыночную конъюнктуру (см. [Чаянов. Организация..., 1989, с. 231]).

Наиболее же серьезное переосмысление теории предложил соратник Чаянова по организационно-производственному направлению Н. П. Макаров, считавший, что в борьбе биологических и экономических факторов последние в конце концов берут верх [Макаров, 1920; Крамар, 2018, с. 35]. По причине неполноты эмпирических данных, характеризующих крестьянскую экономику первой трети XX в., победитель в этом споре не выявлен до сих пор [Шанин, 2019, с. 188].

Ввиду существования в России в начале XX в. значительного количества общин, размеры наделов в которых были мало связаны с численностью отдельных семей, площадь землепользования переставала быть измерителем объема хозяйственной деятельности. На этом основании Чаянов считал необходимым учитывать дуализм крестьянской трудовой занятости, включающей земледелие и промыслы [Чаянов. Организация..., 1989, с. 230]. Однако, выходя за пределы домохозяйства, крестьянский труд утрачивал свою лабораторную чистоту, был вынужден взаимодействовать с рынком труда и капитала. При этом вопросы рыночного воздействия про-

мыслового труда на автономный бюджет семейного хозяйства и его влияние на демографическую структуру семьи так и остались неразработанными [Rao, 1986, p. 45].

Ревизия первоначальных положений теории, проведенная самим Чаяновым, а также уточнения, внесенные его последователями, заставляют рассматривать теорию семейного крестьянского хозяйства как достаточно подвижный конструкт, элементы которого подвержены изменениям под влиянием экономических и политических факторов. Как показывает историографическая практика, наиболее востребованными для характеристики разных хозяйственных систем, помимо понятия демографической дифференциации, являются чаяновские оценки роли трудопотребительского баланса для функционирования семьи и значения самоэксплуатации для крестьянского домохозяйства. Другие достижения Чаянова – учение об организационном плане крестьянского хозяйства и о кооперации⁴ – наиболее интересны специалистам по истории российской деревни первой трети XX в.

Трудопотребительский баланс и самоэксплуатация

Концепция *трудопотребительского баланса*, связанная с понятием выгоды крестьянского труда, занимает особое место в теории крестьянского хозяйства. Чаянов отмечал, что семьи, обладавшие крупным достатком, не стремились сохранять его, и при изменении демографического баланса сокращали объемы хозяйства [Чаянов. Организация..., 1989, с. 228–229]. Исходя из того, что немеханизированный сельскохозяйственный труд крайне тяжел, крестьянин вынужден выстраивать соотношение между напряжением труда и возможностью выживания. Когда эта возможность достигнута, крестьянин перестает работать: трудопотребительский баланс найден, определена мера *самоэксплуатации*. С улучшением условий труда и достижением большей его производительности крестьянин не стремится к получению дополнительной прибыли, а просто меньше работает: в этом случае трудопотребительский баланс фиксируется на более высоком уровне по причине меньшей напряженности труда. В результате интенсивность труда определялась количеством едоков, а не работников [Там же, с. 241].

Как и в случае с теорией демографической дифференциации, при проверке механизма действия трудопотребительского баланса Чаянов был вынужден выходить за границы семейного хозяйства, что позволило, с одной стороны, убедиться в справедливости базовых оснований теории, а с другой – неизбежно ставило вопрос о степени ее универсальности.

Чаяновская теория и модернизация российского села в XX веке

По Чаянову, причиной внехозяйственной занятости крестьян была сложность достижения трудопотребительского баланса в рамках одного лишь семейного хозяйства, главным образом из-за недостатка земли. Другим фактором следует считать неизбежный рост потребительских запросов сельской семьи в условиях расширяющихся контактов деревни с городом.

В конечном счете вовлеченность крестьян в подчиняющуюся законам рынка промышленную деятельность меняла общие правила игры. Чаянов добросовестно фиксирует: «Немало примеров, когда крестьянские хозяйства отхожих и некоторых местных промыслов в очень малой степени используют свои наличные земледельческие средства производства» [Там же, с. 272]. По мнению исследователя, «крестьянская семья в данном случае поступает со своим трудом совершенно так же, как капиталист, дающий своим капиталам то размещение, которое приносит ему наибольший чистый доход» [Там же, с. 272–273]. Однако если капиталист всегда размещает весь свой капитал целиком, то крестьянская же семья никогда не использует своего труда полностью и прекращает его затраты по мере насыщения своих потребностей [Там же, с. 273; Millar, 1970, p. 221–222].

Здесь важно, что для крестьянина приемлемой оказывается низкая оплата труда, дающая возможность существовать в условиях, обрекающих на гибель капиталистическое хозяйство. Этим объясняется исключительная выживаемость крестьянских семейных хозяйств [Чаянов. Организация..., 1989, с. 251]⁵.

Чаянов не сомневался: с ростом доходности земледелия работники вернутся к привычной деятельности. В этом проявилась авторская идеализация крестьянского мира, в полной мере заявленная в повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) [Чаянов. Путешествие..., 1989; Никулин, 2018]. Именно крестьянское хозяйство, в котором «труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые фор-

мы бытия» [Чаянов. Путешествие..., 1989, с. 183], является желаемой формой человеческого существования. При этом автор уверен в живучести традиционной системы хозяйства с доминированием в ней ручного труда [Там же, с. 177].

Если сохранится ручной труд, то останется и высокая степень его напряженности, подпитывающая идею трудопотребительского баланса. А что произойдет в случае механизации? Сможет ли крестьянин, избавленный от необходимости повседневного выживания, избежать фермерского соблазна получения капиталистической прибыли? Похоже, единственным препятствием в этом случае останется упомянутый диалог с «силами космоса», сохраняющий крестьянскую идентичность.

Концепция трудопотребительского баланса не объясняла, до какого уровня крестьянского потребления способен расти этот баланс и в какой точке соображения прибыли перевешивают принцип минимизации усилий. Очевидно, что урбанизация и техническая модернизация аграрной сферы ставят под угрозу само существование семейного крестьянского хозяйства. Под давлением демографической революции серьезно видоизменяется сельская семья, которую становится все труднее описывать в категориях демографической дифференциации. Не вызывает сомнений только то, что теория трудопотребительского баланса хорошо работает в условиях низкого уровня потребления и высоких трудозатрат. Именно это сделало ее востребованной при характеристике развивающихся экономик.

Во второй половине 1920-х гг. Чаянов стал уделять больше внимания семейному труду, считая теперь именно его, а не потребности семьи, основным фактором экономической деятельности крестьян [Шанин, 2019, с. 187]. Перспективы развития этого труда связывались с планами кооперации. Именно через кооперацию Чаянов полагал возможным вписать семейное крестьянское хозяйство в народнохозяйственный контекст (см. подробнее [Денисевич, 1991, с. 23; Крамар, 2018, с. 36; Никулин, 2017, с. 163–164]). Сегодня высказываются мнения, что теория крестьянского хозяйства не была самодостаточной и именно кооперация была конечной целью Чаянова при ее создании (см., напр., [Круглый стол..., 2018, с. 79–80]). Пока было возможно, Чаянов и его единомышленники пытались противостоять сталинской модели коллективизации, вполне отдавая себе отчет в различии мировоззренческих подходов: для экономистов организационно-производственного направления кооперирование крестьянства было способом сохранения крестьянского мира, для сталинского руководства – его разрушения⁶.

Личные подсобные хозяйства: основные этапы развития

Логика применения теории крестьянского хозяйства к личным подсобным хозяйствам колхозников и рабочих совхозов определяется утверждением Чаянова, считавшего, что крестьянское хозяйство как организационная форма «вполне мыслимо... в условиях чисто натурального быта, то есть в условиях таких народнохозяйственных систем, в которых совершенно отсутствовали категории наемного труда и заработной платы» [Чаянов. Организация..., 1989, с. 203].

ЛПХ, в отличие от крестьянских хозяйств периода нэпа, в гораздо большей степени подвергались административному давлению. Политика по отношению к ним была непоследовательной, периоды жестких ограничений сменялись либерализацией. Постоянное внимание власти к ЛПХ определялось тем обстоятельством, что их рассматривали как переходную форму, обреченную на исчезновение. Отсюда настойчивое стремление к ограничению размеров подсобных хозяйств. В этой политике можно выделить несколько этапов:

1. Организационный этап – 1935–1939 гг. Выбор артели как желаемой организационной формы для колхозов предполагал наличие у крестьянской семьи земельного участка. По Уставу сельскохозяйственной артели 1935 г. он выделялся *колхозному двору* под личное хозяйство. Предельно допустимый размер надела определялся от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах до 1 га [Денисевич, 1991, с. 28; Мазур, 2012, с. 368]. Предписанные максимальные нормы были в несколько раз меньше, чем прежние размеры землепользования крестьянских семей. На первых порах дополнительно к усадьбе колхозникам могли предоставляться полевые наделы. В результате хозяйство колхозника воспроизводило в урезанном виде структуру традиционного семейного хозяйства [Мазур, 2012, с. 369].

Размеры участков *работников совхозов* не могли превышать 0,25 га на семью. Третьей разновидностью приусадебных хозяйств стали еще меньшие по размеру индивидуальные хозяйства *горожан*.

2. Ограничительный этап – 1939–1953 гг. Личные хозяйства рассматривались как дополнительный ресурс повышения эффективности колхозов. В 1939 г. в результате борьбы с «разбазариванием» колхозных земель были ликвидированы полевые наделы колхозников, а все приусадебные земли теперь стали сводить к одному месту; одновременно приусадебные наделы рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, ограничивались до 0,15 га [Там же, с. 374]⁷.

3. Либерализация – 1953–1959 гг. Политика этого периода имела целью избавление от наиболее вопиющих репрессивных практик сталинского времени. В сентябре 1953 г. начались налоговые послабления по отношению к жителям села, а в начале 1958 г. был полностью отменен сельхозналог с ЛПХ. После введения в 1956 г. внутриколхозного регулирования размеров приусадебных участков начались многочисленные прирезки приусадебной земли и увеличение поголовья личного скота [Горбачев и др., 2017, с. 112], что было воспринято властью как новая проблема. С другой стороны, с улучшением состояния общественного сектора сельскохозяйственного производства в середине 1950-х гг. ЛПХ перестали быть основой для выживания колхозной семьи, хотя и продолжали занимать важное место в семейном бюджете [Вербицкая, 1992, с.154].

4. Ограничительный этап – 1959–1964 гг. Несмотря на то что в личных хозяйствах колхозников, в отличие от общественного сектора, применялся исключительно ручной труд, к 1959 г. в них производилось от половины до 80 % валовой продукции молока, мяса, картофеля, овощей и яиц колхозного сектора [Зеленин, 2000, с. 81]. Неудобные для власти цифры стали причиной запрета на содержание скота в хозяйствах рабочих и служащих, нового ограничения размеров участков. Последовавший за этими изменениями мощный миграционный отток из села в город продемонстрировал, что возможность приусадебного скотоводства была для сельских жителей своеобразным якорем, удерживавшим их от переезда.

5. Либерализация – 1964 – первая половина 1980-х гг. После осознания тяжелых последствий интенсивного миграционного оттока населения из села в город были сняты некоторые ограничения с личных хозяйств, в том числе на содержание скота [Игнатовский, 1966, с. 383–384]. Терпимость по отношению к ЛПХ в брежневские годы объяснялась тем, что, *во-первых*, личные подсобные хозяйства по причине своего потребительского характера не считались более угрозой общественному сектору. *Во-вторых*, молчаливо признавалась неспособность колхозно-совхозной экономики обеспечить население всеми видами сельскохозяйственной продукции. Наконец, *в-третьих*, продолжался курс на стирание социальных различий между отдельными группами населения. Благодаря личным хозяйствам совокупный доход колхозников был примерно равен доходу работника совхоза. Средний размер ЛПХ в колхозах сложился на уровне 0,31 га, в совхозах – 0,2 га, у рабочих и служащих (вне сельского хозяйства) – 0,11 га [Советское крестьянство..., 1985, с. 90, 92].

С прекращением попыток активного властного давления на приусадебные хозяйства выяснилось, что они по-прежнему являются органичной чертой аскетичного советского быта, причем не только сельского, но и городского. В 1970-е гг. подсобные хозяйства были не только практически у всех колхозников, но и почти у 40 % рабочих и служащих. В 1979 г. личные хозяйства давали 59 % всего произведенного в стране картофеля, 31 % овощей, 53 % плодов и ягод, 30 % мяса, 29 % молока и 33 % яиц [Мазур, 2003, с. 378]. К концу советского периода идея личного хозяйства как пережитка сменилась их официальным признанием как неотъемлемой черты советского сельского быта [Bruisch, 2016, p. 88].

ЛПХ в контексте чаяновской теории

Для установления степени соответствия личных подсобных хозяйств колхозно-совхозной эпохи чаяновским представлениям о семейном крестьянском хозяйстве выделим наиболее значимые критерии для сравнения.

К ним относятся размеры и структура хозяйства, демографическая дифференциация, характер труда и степень автономности хозяйства (табл. 1).

Таблица 1

Крестьянское хозяйство и ЛПХ в свете теории А. В. Чаянова

Критерии сравнения	Крестьянские хозяйства	Личные подсобные хозяйства
Размеры и структура хозяйств	Многоотраслевое семейное хозяйство с земельным наделом до 14 га, поголовьем рабочего и продуктивного скота.	Многоотраслевое семейное хозяйство без полевого надела, с приусадебным наделом до 0,5 га и ограниченным поголовьем продуктивного крупного рогатого (1–2) и мелкого рогатого скота (до 10 голов)
Зависимость производственных возможностей от внутренних ресурсов семьи и конъюнктуры рынка	Высокая	Низкая
Демографическая дифференциация	Определяется трудовопотребительским балансом (соотношением едоков и работников)	Определяется отношением лиц, занятых в общественном производстве к числу незанятых (трудоспособных / нетрудоспособных)
Характер труда	Ручной труд + конная механизация	Немеханизированный ручной труд
Степень автономности хозяйства	Самостоятельное	Включено в колхозно-совхозную систему

В качестве иллюстрации приведем усредненные данные бюджетных обследований 1920-х и середины 1960-х гг. для сравнения производственных показателей крестьянского хозяйства (табл. 2).

Таблица 2

Хозяйственные показатели крестьянской семьи Среднего Урала по результатам бюджетных обследований 1928/29 и 1963 гг.*

Показатель, в среднем на хозяйство	1913 г.	1928/1929 гг.	1963 г.
Земельный надел, га	13,4	13,6	0,24
Площадь посева, га	6,9	4,9	0,19
Лошадей	2,5	2,2	0
Коров	2,5	2,9	1,2
Число человек	6,1	5,5	3,7
Детей до 18 лет	Нет св.	2,6	1,5
Работников	Нет св.	2,7	1,8
Иждивенцев	Нет св.	–	1,9

* Подсчитано Л. Н. Мазур на основе бюджетов крестьянских хозяйств (ГАСО. Ф. 1812. Оп. 12. Д. 39–60; Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3578–3585)

Как видим, размеры ЛПХ были значительно меньше крестьянских хозяйств 1920-х гг. Хозяйства различались и по структуре, поскольку ЛПХ лишено полевого надела и рабочего скота; ограничено и поголовье продуктивного скота. В этом контексте ЛПХ можно рассматривать как форму существования семейного производства в условиях малогибкого аграрного режима (см. [Чаянов. Организация..., 1989, с. 230]). Резкое ограничение площади землепользования предполагалось компенсировать альтернативной занятостью в общественном секторе, но вследствие низкой его доходности работники сельского хозяйства были вынуждены прибегать к крайнему напряжению труда на личных участках либо искать иные источники дохода.

Размер приусадебного участка определялся с учетом местных условий уставом колхоза, но не мог превышать нормы, установленные Земельным кодексом. В пределах этих норм размер участка мог варьироваться. Так, например, была отмечена зависимость между профессиональной занятостью в общественном секторе и размерами ЛПХ. Животноводы и механизаторы имели участки больших размеров, чем полеводы. Другим дифференцирующим фактором был характер застройки: в условиях массового строительства многоквартирных домов на селе в 1960-е гг. происходило сокращение площади земельных участков, выделенных под огороды до 0,05–0,10 га [Калугина, 1991, с. 123].

Размеры ЛПХ в целом и земельного надела в частности также зависели от демографических ресурсов семьи. Для обеспечения своих насущных потребностей семья нередко шла на административные нарушения (главным образом, в форме самозахватов общественных земель) либо легально боролась за свои интересы с правлением колхоза, в ведении которого находились вопросы распределения земли.

По данным обследования 1982 г., средние размеры приусадебных участков в РСФСР прямо соотносились с численностью семьи и варьировались от 0,12 га для семей из 1 чел. до 0,22 га для семей из 7 чел. с пропорциональным изменением количества скота. Исключение составляли семьи из 4 чел., обычно состоявшие из брачной пары с детьми. В таких хозяйствах размер землепользования и количество скота были меньше, чем в семьях из 3 чел. [Там же, с. 122]. Отмеченная зависимость соотносится с чаяновской «нормальной» моделью развития крестьянского хозяйства, учитывающей как размер, так и возраст семьи. Коррективы в эту зависимость при колхозном строе вносил показатель занятости членов семьи в общественном секторе. Поскольку основными работниками на приусадебном участке и в домашнем хозяйстве были женщины, старики и дети, то в семьях с четырьмя неработающими членами размеры хозяйства по поголовью домашнего скота достигали своего максимума [Там же, с. 121].

В целом, в отличие от крестьянского хозяйства периода нэпа, когда прослеживалась тесная зависимость производственных характеристик хозяйства от числа работников в семье, личное подсобное хозяйство регулировалось административно, в первую очередь Уставом сельскохозяйственной артели, ограничивающим производственные характеристики ЛПХ (земельный надел, поголовье продуктивного скота), а также законодательными актами.

В этом смысле ЛПХ представляло собой достаточно статичный организм, рассчитанный на участие в производственном процессе только членов семьи, который функционировал в режиме простого воспроизводства. Объемы производственной деятельности ЛПХ могли меняться, чаще всего в сторону уменьшения (за счет сокращения поголовья скота). Именно это происходило в 1960–1970-е гг.: с уменьшением среднего размера семьи и ее старением снижались объемы производства в приусадебном хозяйстве. Рост эффективности ЛПХ и получение доходов от него были возможны за счет вспомогательных видов деятельности (промыслы, ремесла); в 1960-е гг. – за счет интенсификации огородничества и садоводства; в 1980-е гг. – за счет животноводства, поскольку государство стало стимулировать разведение скота на личных подворьях.

Таким образом, динамика объемов производства и доходов от ЛПХ в первую очередь зависела от политики власти, стимулирующей либо ограничивающей его развитие, и только во вторую очередь – от демографических ресурсов семьи.

Как в крестьянском хозяйстве начала XX в., так и в приусадебном хозяйстве второй половины столетия основная цель производственной деятельности состояла в обеспечении первичных потребностей семьи в продуктах питания, т.е. в выживании, и только затем – в получении дохода (основного или дополнительного). Основной доход колхозники должны были получать от работы в колхозе, но вплоть до 1960-х гг. основным источником доходов (натуральных и денежных) оставалось личное подсобное хозяйство. По этой причине сохранялась заинтересованность колхозников в повышении его эффективности, в том числе за счет интенсификации труда членов семьи (особенно женщин). Использовались и такие способы роста объемов производства, как скрытая аренда, использование труда людей, не являвшихся членами семьи, и др. [Мазур, 2003, с. 379]. По данным бюджетных обследований 1982 г., ЛПХ было тем более доходным, чем меньшим был душевой доход семьи от общественного хозяйства [Калугина, 1991, с. 123].

Еще одной чертой, сближающей ЛПХ с семейным крестьянским хозяйством начала XX в., является доминирование в них ручного труда. Вплоть до конца советской эпохи в приусадебных хозяйствах консервировались архаичные производственные практики, предполагавшие крайнее физическое напряжение. Так называемая «малая механизация» развития в СССР не получила: лопата и грабли оставались основными орудиями труда на приусадебном участке. На этом основании можно сделать вывод об искусственной архаизации сельскохозяйственных практик в сравнении с периодом нэпа. Основной причиной этой архаизации были сохранявшиеся представления о мелкобуржуазном характере семейной экономики, которую было необходимо тщательно контролировать.

В целом можно констатировать, что урбанизация села, особенно активная в 1960–1970-е гг., способствовала упрочению статуса семейных хозяйств как вспомогательных, сохраняя при этом дифференцирующую нагрузку демографических факторов в формировании бюджета семьи и объемов производства ЛПХ.

Заключение

Теория крестьянского хозяйства А. В. Чаянова, предназначенная для выявления закономерностей и факторов функционирования трудового семейного хозяйства, позволяет глубже понять двойственный характер личных подсобных хозяйств колхозников и особенности их эволюции. Будучи семейным хозяйством, ЛПХ были встроены в колхозную (совхозную) систему и регулировались не рыночными, а административными механизмами. Кардинально менялась и роль семьи: если в крестьянском хозяйстве семья выступала в качестве объекта воздействия и все ее поведение определялось интересами хозяйственной деятельности, то ЛПХ, напротив, зависело от интересов семьи. В условиях формирования устойчивых источников семейного дохода колхозников от общественного производства роль личных подсобных хозяйств неизбежно падала.

«Чаяновский» взгляд на ЛПХ позволяет увидеть в них не столько пример экономической эффективности, сколько колоссальный потенциал выживаемости при жестко ограниченных возможностях – территориальных, технологических, отраслевых, демографических, требовавших от владельцев приусадебных участков полной самоотдачи и колоссального напряжения сил.

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о возможности эволюции ЛПХ по фермерскому типу. В нерыночной советской экономике развитие личного подсобного хозяйства всячески ограничивалось. Вместе с тем в 1930–1950-е гг. продажа сельскохозяйственной продукции на рынке была для колхозников одной из немногих возможностей получения наличных денег (особенно в позднесталинский период). Позже, в 1970-е – начале 1980-х гг., доход от продажи продукции, полученной в рамках семейного производства, часто имел отчетливый рыночный характер.

Такого рода «рыночная» эволюция семейного производства не коснулась огромного количества горожан и жителей пригородов, владельцев пресловутых «шести соток», которые продолжали существовать в логике натурального хозяйства. Как в советских, так и в современных ЛПХ сохраняется первичная ячейка в виде семейного производства, хотя и в усеченном виде (А. В. Гордон) [Круглый стол..., 2018, с. 82]. Эти хозяйства по сей день являются убедительной иллюстрацией того, как в стремлении восполнить недостаток ассортимента розничной торговли или в погоне за экологически чистой продукцией совершенно игнорируются соображения выгоды, либо опасения чрезмерной затраты трудовых усилий. Работа по привычке, из желания следовать традиции, для души заставляет не думать о прибыли и обеспечивает дачным участкам вполне «чаяновскую» устойчивость. Естественно, что расходы на ведение такого хозяйства компенсируются «неземледельческой» занятостью, т.е. доходами, полученными по основному месту работы владельца(-ев) огорода или садового участка. В этом контексте сегодняшние дачные участки в России следует воспринимать не как вариант семейной организации сельскохозяйственного производства, а скорее, как разновидность семейных рекреационных практик.

Примечания

¹ Исследование поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований (18-09-00592 А) «Эволюция крестьянской семьи на Среднем Урале в XX веке: опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований».

² О предпосылках поворота к «чаяновскому» восприятию крестьянских домашних хозяйств в позднем СССР см. [Bruisch, 2016].

³ См. также мнение А. М. Никулина о возможности применения теории Чаянова к изучению колхозной экономики [Круглый стол..., 2018, с. 92].

⁴ Об ограничениях применения кооперативной теории Чаянова см. подробнее [Тарханов, 2011].

⁵ Именно эти особенности крестьянского поведения являются основной причиной того, что «математизация теории Чаянова не удалась» (Т. Шанин) [Круглый стол..., 2018, с. 79]. См. также мнение Дж. Миллера о том, что эмпирические выводы Чаянова интерпретировались им с субъективных позиций полезности – бесполезности, и это делает невозможным их более широкое научное использование [Millar, 1970, p. 221].

⁶ Об отношении Чаянова к планам коллективизации см. подробнее [Никулин, 2017, с. 166–167].

⁷ Борьба с «самозахватами» общественной земли велась на протяжении всего колхозного периода (см. [Безнин, 1991, с. 91–101]).

Список источников

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1812. Оп. 12. Д. 39–60; Ф. 18.13. Оп. 14. Д. 3578–1585.

Библиографический список

Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда: Б. и., 1991. 256 с.

Вербицкая О.М. Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х – начало 1960-х гг. М.: Мысль, 1992. 224 с.

Виноградова И.Н. Учение А. В. Чаянова об организации крестьянского хозяйства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 32 с.

Горбачев О.В., Кометчиков И.В., Филимонов В.Я. История крестьянства Западного региона России: 1941 – середина 1980-х годов / Калуж. гос. ин-т развития образования. Калуга, 2017. 632 с.

Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале / УрО РАН СССР. Екатеринбург, 1991. 200 с.

Зеленин И.Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76–93.

Игнатовский П.А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М.: Наука, 1966. 391 с.

Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР: социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 240 с.

Крамар А.А. А. В. Чаянов на пути к созданию теории некапиталистических форм хозяйства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 33–43.

Круглый стол «Организационно-производственное направление российской аграрно-экономической мысли: история и современность» // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1. С. 74–98.

Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М.: Тип. Н. Желудковой, 1920. 392 с.

Мазур Л.Н. Приусадебное землепользование колхозников, работников совхозов и горожан в 1930–1980-е гг. (по материалам Урала) // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга: Изд-во КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2003. С. 366–385.

Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 472 с.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.

Никулин А.М. Грезы Русской революции в утопиях Александра Чаянова и Андрея Платонова // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 256–290.

Никулин А.М. Международная регионалистика А. В. Чаянова (к 80-летию гибели ученого) // Экономическая политика. 2017. № 5. С. 150–177.

Плуг ван дер Я.Д. Роль чаяновских идей в современном крестьяноведении и в искусстве сельского хозяйства // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3. С. 6–27.

Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВСШЭН, РОССПЭН, 2002. 590 с.

- Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс, 1992. С. 202–210.
- Советское крестьянство и село на этапе развитого социализма / под ред. Ц.А. Степаняна, О.Н. Трубицина. М.: Наука, 1985. 263 с.
- Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 744 с.
- Тарханов О.В. Сущность кооперации, по А. В. Чаянову, и современность // Экономический журнал. 2011. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-kooperatsii-po-a-v-chayanovu-i-sovremennost> (дата обращения: 05.02.2021).
- Фигуровская Н.К. А. В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: избранные труды. М.: Экономика, 1989. С. 26–51.
- Чаплыгина И.Г. Развитие идей А. Чаянова в зарубежной экономической науке второй половины XX века // Экономический журнал. 2006. № 12. С. 226–238.
- Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство: избранные труды. М.: Экономика, 1989. С. 194–442.
- Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А.В. Венецианское зеркало. М.: Современник, 1989. С. 161–208.
- Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 408 с.
- Adams J. Peasant Rationality: Individuals, Groups, Cultures // World Development. 1986. Vol. 14, no. 2. P. 273–282.
- Beyond Chayanov: a Sustainable Agroecological Farm Reproductive Analysis of Peasant Domestic Units and Rural Communities (Sentmenat; Catalonia, 1860) / R. Padró, J. Marco, C. Font, E. Tello // Ecological Economics. 2019. Vol. 160. P. 227–239.
- Bruisch K. The Soviet Village Revisited. Household Farming and the Changing Image of Socialism in the Late Soviet Period // Cahiers du monde Russe. 2016. Vol. 51, no. 1. P. 81–100.
- Harrison M. Chayanov and the Economics of the Russian Peasantry // The Journal of Peasant Studies. 1975. No. 2(4). P. 389–417.
- Jean Emigh R. Theorizing Strategies: Households and Markets in 15th-century Tuscany // The History of the Family. 2001. Vol. 6. P. 495–517.
- Lehmann D. After Chayanov and Lenin: New Paths of Agrarian Capitalism // Journal of Development Economics. 1982. Vol. 11(2). P. 133–161.
- Millar J.R. A Reformulation of A. V. Chayanov's Theory of the Peasant Economy // Economic Development and Cultural Change. 1970. No. 18(2). P. 219–229.
- Rao J.M. Agriculture in Recent Development Theory // Journal of Development Economics. 1986. No. 22. P. 41–86.
- Saito O. The Stem Family and Labour Markets: Reflections on Households and Firms in Japan's Economic Development // History of the Family. 2011. No. 16. P. 466–480.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.12.2020

ALEXANDER CHAYANOV'S THEORY OF PEASANT FARMING AND PERSONAL SUBSIDIARY FARMS IN THE SOVIET VILLAGE (MID-1930s – 1980s)

O. V. Gorbachev

Ural Federal University, Lenin ave., 51, 620000, Yekaterinburg, Russia
og_06@mail.ru
og2662@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2911-3100
ResearcherID: M-9204-2015
Scopus Author ID: 56625875600

The paper analyzes the possibility of applying the theory of peasant farming by Alexander Chayanov to personal subsidiary farms (LPH) of collective farmers and state farm workers. It is noted that the significant factors affecting their functioning were rural urbanization and the demographic evolution of the rural family, as well as the policy of severe administrative restrictions on individual households. Despite the unfavorable conditions for development, personal part-time farms have demonstrated stability over time. The relations between family size and farm size noted by Chayanov were distorted by a system of repressive taxation, active off-farm employment of farm members, and natural processes of family deformation under the influence of urbanization. The author characterizes why LPH have lost their function of the main source of livelihood. It is concluded that ideological restrictions led to an artificial archaization of production within part-time farms and limited their evolution along the farm route, i.e. the labor-consumer balance in the budget of a rural family was achieved at an extremely low level. On the other hand, it is the spread of non-mechanized manual labor in personal part-time farms that allows the author to largely apply the provisions of Chayanov's theory of peasant farming.

Key words: Alexander Chayanov, theory of peasant farming, labor-consumer balance, demographic differentiation, family economy, USSR, personal subsidiary farms.

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (18-09-00592 A) "The evolution of a peasant family in the Middle Urals in the 20th century: the experience of reconstruction based on budget surveys".

References

- Adams, J. (1986), "Peasant Rationality: Individuals, Groups, Cultures", *World Development*, № 14(2), pp. 273–282.
- Babashkin, V.V. (ed.) (2015), *Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke* [Modern peasant studies and the agrarian history of Russia in the 20th century], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 744 p.
- Beznin, M. A. (1991), *Krest'yanskiy dvor v Rossiyskom Nechernozem'e 1950–1965 gg.* [Peasant households in the Russian non-black earth region, 1950–1965], n.p., Moscow-Vologda, Russia, 256 p.
- Bruisch, K. (2016) "The Soviet Village Revisited. Household farming and the changing image of socialism in the late Soviet period", *Cahiers du monde Russe*, № 51(1), 81–100.
- Chaplygina, I. G. (2006), "The development of A. Chayanov's ideas in foreign economic science of the second half of the 20th century", *Ekonomicheskii zhurnal*, № 12, pp. 226–238.
- Chayanov, A. V. (1989), "Organization of peasant farming", in Chayanov, A. V., *Krest'yanskoe khozyaystvo: Izbrannye Trudy* [Peasant farming: Selected works], Ekonomika, Moscow, Russia, pp. 194–442.
- Chayanov, A. V. (1989), "The journey of my brother Alexei to the country of peasant utopia", in Chayanov, A.V., *Venetsianskoe zerkalo* [Venetian mirror], Sovremennik, Moscow, Russia, pp. 161–208.
- Denisevich, M. N. (1991), *Individual'nye khozyaystva na Urale* [Individual farms in the Urals], RAS USSR, Ural branch, Yekaterinburg, Russia, 200 p.
- Figurovskaya, N. K. (1989), "A. V. Chayanov and his theory of family peasant farming", in Chayanov, A. V., *Krest'yanskoe khozyaystvo: Izbrannye Trudy* [Peasant farming: Selected works], Ekonomika, Moscow, Russia, pp. 26–51.
- Gorbachev, O. V., Kometchikov, I. V. & V. Ya. Filimonov (2017), *Istoriya krest'yanstva Zapadnogo regiona Rossii: 1941 – seredina 1980-kh godov* [The history of the peasantry of the Western region of Russia: 1941 – mid-1980s], Kaluzhskiy gos. in-t razvitiya obrazovaniya, Kaluga, Russia, 632 p.
- Harrison, M. (1975), "Chayanov and the economics of the Russian Peasantry," *The Journal of Peasant Studies*, № 2(4), pp. 389–417.
- Ignatovskiy, P. A. (1966), *Sotsial'no-ekonomicheskie izmeneniya v sovetskoj derevne* [Socio-economic changes in the Soviet village], Nauka, Moscow, Russia, 391 p.
- Jean Emigh, R. (2001), "Theorizing strategies: Households and markets in 15th-century Tuscany," *The History of the Family*, № 6, pp. 495–517.
- Kalugina, Z. I. (1991), *Lichnoe podsobnoe khozyaystvo v SSSR: Sotsial'nye regulatory i rezul'taty razvitiya* [Personal part-time farms in the USSR: Social regulators and development results], Nauka (Siberian branch), Novosibirsk, Russia, 240 p.
- Kramar, A. A. (2018), "Chayanov on the way to creating a theory of non-capitalist forms of economy", *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, № 1, pp. 33–43.
- Lehmann, D. (1982), "After Chayanov and Lenin: New Paths of Agrarian Capitalism," *Journal of Development Economics*, № 11(2), pp. 133–161.
- Makarov, N. P. (1920), *Krest'yanskoe khozyaystvo i ego evolyutsiya* [Peasant farming and its evolution], Tip. N. Zheludkovoy, Moscow, Russia, 392 p.
- Mazur, L. N. (2003), "Household land use of collective farmers, state farm workers and townspeople in the 1930s – 1980s (based on materials from the Urals)", *Zemlevladenie i zemlepol'zovanie v Rossii (sotsial'no-*

- pravovyea spekty*) [Land tenure and land use in Russia (social and legal aspects)], works of the 28th session of the Symposium on the agrarian history of Eastern Europe, Izd-vo KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo, Kaluga, Russia, pp. 366–385.
- Mazur, L. N. (2012), *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX – XX v.)* [Russian village in urbanization: a regional dimension (2nd half of the 19th – 20th centuries)], Izd-vo Ural. un-ta, Yekaterinburg, Russia, 472 p.
- Millar, J. R. (1970), “A Reformulation of A. V. Chayanov’s Theory of the Peasant Economy,” *Economic Development and Cultural Change*, № 18(2), pp. 219–229.
- Nikonov, A. A. (1995), *Spiral' mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.)* [The spiral of centuries-old drama: agricultural science and politics of Russia (18th – 20th centuries)], Encyclopedia of Russian villages, Moscow, Russia, 574 p.
- Nikulin, A. M. (2017), “International regional studies of A.V. Chayanov (on the 80th anniversary of the death of the scientist)”, *Ekonomicheskaya politika*, № 5, pp. 150–177.
- Nikulin, A. M. (2018), “Dreams of the Russian Revolution in the utopias of Alexander Chayanov and Andrey Platonov”, *Sotsiologicheskoe obozrenie*, № 17(3), pp. 256–290.
- Padró, R., Marco, J., Font, C. & E. Tello (2019), “Beyond Chayanov: A sustainable agroecological farm reproductive analysis of peasant domestic units and rural communities (Sentmenat; Catalonia, 1860)”, *Ecological Economics*, № 160, pp. 227–239.
- Plug van der, Ya. D. (2017), “The role of Chayanov’s ideas in modern peasant studies and in the art of agriculture”, *Krest'yanovedenie*, № 2(3), pp. 6–27.
- Rao, J. M. (1986), “Agriculture in recent development theory,” *Journal of Development Economics*, № 22, pp. 41–86.
- “Round table «Organizational and production direction of Russian agrarian and economic thought: history and modernity»” (2018), *Krest'yanovedenie*, № 3(1), pp. 74–98.
- Saito, O. (2011), “The stem family and labour markets: Reflections on households and firms in Japan's economic development,” *History of the Family*, № 16, pp. 466–480.
- Scott, J. (1992), “The moral economy of the peasantry as a survival ethic”, in Shanin, T. (ed.). *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire* [The great stranger: peasants and farmers in the modern world], Progress, Moscow, Russia, pp. 202–210.
- Shanin, T. (2019), *Neudobnyy klass: politicheskaya sotsiologiya krest'yanstva v razvivayushchemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925* [An awkward class: political sociology of peasantry in a developing society: Russia, 1910–1925], “Delo” Publishing House, Moscow, Russia, 408 p.
- Shanin, T., Nikulin, A. & V. Danilov (eds.) (2002), *Refleksivnoe krest'yanovedenie: Desyatiletie issledovaniy sel'skoy Rossii* [Reflective peasant studies: a decade of research in rural Russia], MVSShEN, ROSSPEN, Moscow, Russia, 590 p.
- Stepanyan, Ts. A. & O. N. Trubitsin (eds.) (1985), *Sovetskoe krest'yanstvo i selo na etape razvitogo sotsializma* [Soviet peasantry and village at the stage of developed socialism], Nauka, Moscow, Russia, 263 p.
- Tarkhanov, O. V. (2011), “The essence of cooperation, according to A. V. Chayanov, and the present”, *Ekonomicheskyy zhurnal*, № 21, pp. 119–140.
- Verbitskaya, O. M. (1992), *Rossiyskoe krest'yanstvo: Ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 1940-kh – nachalo 1960-kh gg.* [Russian peasantry: From Stalin to Khrushchev. Mid 1940s – early 1960s], Mysl', Moscow, Russia, 224 p.
- Vinogradova, I. N. (2003), *Uchenie A. V. Chayanova ob organizatsii krest'yanskogo khozyaystva* [The doctrine of A.V. Chayanov on the organization of peasant farming], PhD diss. abstract, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, 32 p.
- Zelenin, I. E. (2000), “Agricultural policy of N. S. Khrushchev and the country's agriculture”, *Otechestvennaya istoriya*, № 1, pp. 76–93.